

УДК 343.847(571.5)
DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.056-061

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ХАРМАЕВ,
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Республики Бурятия,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Российская Федерация,
e-mail: kharmaev@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА («ХИМИИ») В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ 1960-Х ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ*

Для цитирования

Хармаев, Ю. В. Особенности применения наказания без изоляции от общества («химии») в Восточной Сибири в середине 1960-х годов в контексте современного применения принудительных работ / Ю. В. Хармаев // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 1. – С. 56–61. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.056-061.

Аннотация. В статье раскрываются особенности применения уголовного наказания для условно осужденных и условно освобожденных от отбывания наказания с обязательным привлечением к труду в советский период (1964 – 1989) на стройках и предприятиях промышленности в регионах Восточной Сибири. Данные о численности и движении лиц, условно освобожденных из мест лишения свободы и условно осужденных с обязательным привлечением к труду, состоящих на учете в специальных комендатурах Бурятской АССР, основываются на архивных материалах. Делается вывод о необходимости учета положительного отечественного опыта реализации данного вида наказания, во многом схожего с актуальным в настоящее время наказанием в виде принудительных работ.

Ключевые слова: наказания без изоляции от общества, принудительные работы, специальные комендатуры, уголовно-исполнительная политика.

Расширение перечня уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, является одной из приоритетных задач в контексте совершенствования современной уголовной

* Статья подготовлена в рамках инновационного гранта БГУ 2019 № 19-14-0502.
© Хармаев Ю. В., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

политики Российского государства. Анализ судебно-следственной практики свидетельствует об увеличении в последние годы числа приговоров с назначением наказаний, не связанных с лишением свободы [1, с. 10]. Такая ситуация обусловлена не только либерализацией и гуманизацией уголовной политики государства, но и со снижением уровня преступности как в России, так и в большинстве стран мирового сообщества [8, с. 72].

По мнению специалистов [3], современное общество стало более материально обеспеченным. Политологи, например, объясняют это явление тем, что потребление калорий в среднем на душу населения значительно возросло. Заметное снижение характерно для насильственной преступности. Полагают, что исчезла необходимость грабить и убивать, чтобы прокормить семью или получить крышу над головой, в связи с чем во многом изменилась психология преступного деяния. В последнее десятилетие наблюдается уменьшение количества лиц, отбывающих наказание в местах заключения. В новейшей истории России зафиксирован исторический минимум лиц, отбывающих реальное лишение свободы в колониях и тюрьмах, который сегодня равен чуть более 456 тыс. осужденных [9].

На фоне таких статистических показателей перед обществом, точнее, перед теоретиками и практическими работниками правоохранительных структур стоит сложный вопрос о совершенствовании имеющихся видов наказаний, не связанных с изоляцией лица от общества. Одним из них являются принудительные работы, которые в научных и практических кругах «окрестили» как реанимацию советской «химии» ввиду схожести по сути их исполнения.

Так почему в обществе лиц, отбывающих уголовные наказания, при условно-досрочном освобождении из мест лишения свободы и условном осуждении с обязательным привлечением к труду (об условном освобождении из мест лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления, для работы на строительстве предприятий народного хозяйства : указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 марта 1964 г. // Бюл. Верховного Суда СССР. 1964. № 4. С. 6; Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду : указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. № 24. Ст. 204) стали называть «химиками»? Уж точно не из-за их предпочтения одному из школьных предметов или их принадлежности к преподавательской деятельности. Одна из версий связана с тем, что такой институт уголовно-правового наказания стал активно применяться в регионах Восточной Сибири (Красноярский край, Иркутская область, Бурятская АССР и др.) на стройках химической промышленности. Лица, отбывшие наказания, обычно на вопрос, откуда прибыли, отвечали просто: «химичили там-то», «были на химии там-то». Окружающие впоследствии нарекли их «химиками», и всем было понятно, о ком конкретно идет речь.

Проблемы института условного освобождения и условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду в середине 1960-х годов достаточно изучены и освещены в юридической литературе (сегодня работа в данном направлении продолжается [7, с. 73; 10, с. 74]).

Появление нового уголовно-правового института в законодательстве СССР вызвало необходимость изучить особенности его применения и определить основные средства исправительного воздействия на осужденных. Уголовно-правовая природа указанного института потребовала разобраться в его социальной сущности, в критериях оценки эффективности их применения, правовых формах регламентации новых уголовно-правовых мер в стадии их непосредственного исполнения, что и было предпринято В. К. Кетовым [4]. Уже тогда имелись тенденции и закономерности развития системы уголовных наказаний, не связанных с изоляцией лица от общества.

Преимущества нововведения в перечне существовавших наказаний проявились следующим образом: эффективное использование труда осужденных на строительстве важнейших народнохозяйственных объектов; существенное уменьшение расходов государства на содержание исправительных учреждений; хорошая возможность осужденным овладеть более широким кругом профессий; решение кадровой проблемы на стройках и предприятиях страны, чаще всего на отдаленных и окраинных территориях страны; применение общественных средств воздействия на осужденных в условиях поддержания социально полезных связей, включая семейно-родственные, и постоянного надзора со стороны администрации учреждения.

Карательное воздействие указанного уголовно-правового института заключалось в следующем: обязательность работы на строительстве по указанию органов, ведающих исполнением приговора; невозможность увольнения по собственному желанию и перехода на другое предприятие; перевод без согласия осужденного с одной стройки на другую; запрещение осужденным покидать район стройки без разрешения не только администрации, но и органов милиции; невключение в срок отбытого наказания времени работы на стройке в случае совершения условно освобожденным нового преступления; признание времени работы на стройке фактически отбываемым сроком при погашении судимости; возвращение в места лишения свободы не только за совершенные преступления, но и за систематические или злостные нарушения трудовой дисциплины, общественного порядка или правил регистрации. Все эти меры имели принудительный характер и были направлены на исправительное воздействие на условно освобожденного или условно осужденного.

Впервые в Бурятской АССР специальные комендантуры по надзору за условно освобожденными из мест лишения свободы в соответствии с приказом Министерства охраны общественного порядка Бурятской АССР от 24 августа 1964 г. № 052 были дислоцированы в двух населенных пунктах: в г. Улан-Удэ (численностью до 250 осужденных) и в пос. Кабанск (до 500 осужденных) в 1964 г. (архив МВД по Республике Бурятия. Ф. 01. Арх. № 188. Л. № 209-210). В последующем вплоть до 1989 г. практически в каждом втором районе республики были размещены специальные комендантуры, где под их контролем находилось около 2,5 тыс. осужденных ежегодно.

Например, в 1971 г. за всеми специальными комендатурами республики числилось 1234 чел., из которых 278 чел. прибыли из других регионов СССР (22,1 % от всего количества осужденных), из них за рассматриваемый период привлечено к уголовной ответственности 22 осужденных (1,7 %) за совершение преступлений во время отбытия наказания. Совершенные ими преступления носили различный характер. Так, 35,4 % осужденных было привлечено за кражу личного имущества (ст. 144 УК РСФСР); 35,4 – за хулиганство (ст. 206); 6,4 – за изнасилование (ст. 117); 6,4 – за хищение государственного или общественного имущества (ст. 89); 3,2 % – грабеж (ст. 145 УК РСФСР); 12,9 % – за другие преступления (архив МВД по Республике Бурятия. Ф. 1. Оп. 1. Арх. № 462. Л. 23, 41, 91, 113). Следует отметить, что почти половина преступлений (45,7 %) была связана с имущественными посягательствами. Наибольшее количество осужденных было зарегистрировано в Бурятской АССР в 1981 г., когда по всем комендатурам насчитывалось 3299 чел., из которых 228 чел. было привлечено к уголовной ответственности, а 2281 чел. снят с учета в связи с истечением сроков наказания, досрочно, в связи с инвалидностью, ввиду возвращения в места лишения свободы и др. (архив МВД по Республике Бурятия. Ф. 1. Арх. № 492–493; 505; 507; 509–511).

В представленных архивных материалах прослеживается тенденция активного использования труда осужденных на предприятиях и стройках народного хозяйства региона, в

частности в области промышленного (50,3 %) и сельского (5,6 %) строительства, энергетики и электрификации (14,6 %), путей сообщения (5,6 %), промстройматериалов (13,1 %), органов внутренних дел (6,6 %), цветной металлургии (4,1 %) (архив МВД по Республике Бурятия. Ф. 1. Арх. № 9–10; 25–26). В 1960-е годы республика насчитывала чуть более 700 тыс. чел.: 41 % составляли городские жители, 59 % населения проживали в сельской местности [6, с. 24]. Еще в 1939 г. Бурятия была преимущественно сельскохозяйственной республикой, за последующие годы численность горожан постепенно увеличилась. Немалый вклад в урбанизацию региона во второй половине XX в. внесли стройки предприятий и учреждений, где трудились осужденные в соответствии с указами Президиума Верховного Совета СССР от 20 марта 1964 г. и от 12 июня 1970 г.

По мнению В. К. Кетова [4, с. 10], основными критериями достижения цели наказания для условно осужденных и условно освобожденных являются: воздействие системы наказания на уровень и движение преступности; поведение осужденного в период отбывания наказания; поведение осужденных после освобождения от наказания.

Статистика и архивные материалы по количеству и движению лиц, условно освобожденных из мест лишения свободы и условно осужденных с обязательным привлечением к труду в Бурятской АССР с 1964–1989 гг., показывают ряд тенденций, характерных для данной категории осужденных.

К уголовной ответственности за рецидив из общего числа осужденных – «химиков» за все рассматриваемые годы ежегодно привлекалось не более 10 %; почти половина преступлений, совершенных этой категорией осужденных, относилось к корыстным посягательствам (45,7 % – кражи, грабежи, хищения государственного и общественного имущества); уровень рецидива этой категории осужденных ниже общего уровня рецидива. С 1964 по 1977 год в специальные комендантуры республики отправлялись осужденные из других городов страны (до 22,5 %), позднее основной контингент состоял из лиц, совершивших преступление в данном регионе. Большая часть осужденных относилась к молодому и среднему возрасту до 40 лет. Исследование дисциплинарной практики показало, что абсолютное большинство осужденных работали добросовестно, соблюдали трудовую дисциплину, принимали участие в общественной работе. Вместе с тем некоторая часть условно осужденных и условно освобожденных вели себя отрицательно, злоупотребляли спиртными напитками, пытались пропагандировать и внедрять традиции преступного мира.

В диссертационном исследовании В. К. Кетова представлена социально-демографическая характеристика условно осужденных и условно освобожденных указанного периода: подавляющее большинство – молодые люди и лица среднего возраста; незаконченное среднее, среднее и высшее образование имели 72,2 % условно освобожденных и 77,5 % условно осужденных, среднее и высшее – соответственно 37,8 и 42,2 %; доля лиц с неполным средним образованием (до 7 классов) также была значительной – соответственно 23,8 и 22,5 % [4, с. 13]. Около 9–13 % осужденных, прибывших на стройки, не имели никакой специальности, 80–85 % – строительных специальностей [4, с. 16].

В связи с введением в настоящее время в Российской Федерации уголовного наказания в виде принудительных работ, а также внесением поправок в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, позволяющим открывать филиалы колоний-поселений и исправительных центров при предприятиях и крупных стройках, имеющийся отечественный опыт исполнения наказаний в отношении условно освобожденных и условно осужденных может быть очень полезен [5].

Исходя из того что принудительные работы предполагают обязательное трудоустройство осужденных, при реализации данного вида уголовного наказания следует учитывать:

уровень профессионального образования, наличие (отсутствие) трудовых специальностей, возможности получения профессий, социально-демографические признаки осужденных (инвалидность, состояние здоровья и др.), криминологические и индивидуально-психологические свойства личности. Отечественный опыт реализации «химии» и решение специфических задач в советский период может принести современным правоприменителям существенную пользу в повседневной оперативно-служебной деятельности.

Современные принудительные работы отличаются своей социальной окраской. Как отмечают некоторые исследователи [1, с. 12], пребывание в исправительных центрах можно сравнить с работой вахтовиков, которые работают вдали от дома, проживая в общежитиях. Если в советское время условно освобожденные и условно осужденные в основном работали на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, то трудоустройство в нынешних условиях имеет свою специфику. Например, в Ставропольском крае (Георгиевский исправительный центр № 1) осужденные работают в системе общественного питания, в ЖКХ, в ДРСУ. В дальнейшем данная категория осужденных может быть трудоустроена на предприятиях Ставропольского края, таких как ООО «Ставсталь», ООО «Краснокумский кирпичный завод», ГУП «Минераловодское ДРСУ», ОАО «Хлебокомбинат Георгиевский». Осужденные Ишимского исправительного центра с учетом их образования и навыков трудятся животноводами, медицинскими работниками, дорожными рабочими, водителями и штукатурами [1, с. 13]. Следует обратить внимание, что большинство практических работников исправительных центров территориальных органов ФСИН России в ходе анкетирования, проведенного сотрудниками НИИ ФСИН России, указали, что основные проблемы исполнения наказания в виде принудительных работ у них связаны с вопросами трудоустройства осужденных [2, с. 41].

В целом уголовно-исполнительная политика по объективным причинам будет продвигаться усиленными темпами в плоскость расширения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы. При этом не стоит забывать, что появляются новые, заслуживающие внимания модели правового регулирования и меры уголовно-правового принуждения в отношении правонарушителей, которые должны быть максимально и всесторонне исследованы и проанализированы, прежде чем внедрены в практику.

Библиографический список

1. Абрамова Н. Г. Некоторые вопросы начального этапа реализации исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ // Организация и правовое регулирование исполнения наказания в виде принудительных работ: теория и практика : сб. материалов круглого стола с междунар. участием / под ред. И. В. Дворянскава. М. : НИИ ФСИН России, 2017. С. 10–18.

2. Габараев А. Ш., Лобачева Л. П. Организационно-правовые проблемы исполнения наказания в виде принудительных работ // Организация и правовое регулирование исполнения наказания в виде принудительных работ: теория и практика : сб. материалов круглого стола с междунар. участием / под ред. И. В. Дворянскава. М. : НИИ ФСИН России, 2017. С. 37–46.

3. Киюцина О. М. Хорошо сидим. Почему в России резко снизилось количество заключенных. URL : <https://www.zaprava.ru/xoroshho-sidim> (дата обращения: 03.10.2019).

4. Кетов В. К. Исправление и перевоспитание лиц, условно освобожденных из мест лишения свободы для работы на строительстве предприятий народного хозяйства и условно осужденных к лишению свободы с обязательным привлечением к труду : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1975. 21 с.

-
5. При крупных предприятиях откроются филиалы колоний // Российская газета. 2019. 21 июля.
 6. Демографическая характеристика Республики Бурятия / Л. Ф. Писарева [и др.] // Бюллетень сибирской медицины. 2015. Т. 14, № 3. С. 23–29.
 7. Скиба А. П. Некоторые проблемы теории и истории применения условно-досрочного освобождения // Дороги в общество третьего тысячелетия : сб. ст. Ростов н/Д : Южный университет (ИУБиП), 2002. С. 72–76.
 8. Хармаев Ю. В., Гантулга Н. Опыт влияния трудов русских классиков (Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, С. В. Максимов, В. М. Дорошевич и др.) на гуманизацию пенитенциарной политики в государстве // Преступность в России: проблемы реализации закона и правоприменения : сб. науч. тр. / под ред. В. А. Авдеева. Иркутск : Байкальский государственный университет экономики и права, 2015. С. 72–78.
 9. Число осужденных в российских колониях достигло исторического минимума. URL : <https://rg.ru/2018/12/14/chislo-osuzhdennyh-v-rossijskih-koloniiah-dostiglo-istoricheskogo-minimuma.html> (дата обращения: 10.09.2019).
 10. Эрхитуева Т. И., Мяханова А. Н. Принцип целесообразности при условном осуждении // Социология уголовного права и реформирование уголовного законодательства : сб. ст. М. : Юриспруденция, 2018. С. 73–80.